

Чжао Минчуань был окончательно сбит с толку. Он расспросил стоявших в самом начале людей, пытаясь выяснить, что стряслось. Но все они были людьми из цзянху, а в этих кругах о некоторых вещах принято молчать — кто же станет при всех открыто признаваться, что явился ради сближения с близким другом Владыки дворца Ли? Конечно же, никто! Разве великие герои могут так уронить свое достоинство? Поэтому никто не дал молодому главе Чжао честного ответа. Все лишь прятали руки в рукава и загадочно улыбались, будто в них вселились бесы, отчего вся эта сцена выглядела довольно жутко.

В конце концов ученики Клана Минцзянь, услышав шум, вышли наружу. Криками и локтями они с трудом проложили дорогу в толпе и сопроводили экипаж во внутренний двор.

Окружающие утвердились в своих догадках: происхождение Сяо Иня точно необычное, иначе с чего бы Чжао Минчуань берег его как зеницу ока?

Нет, упускать шанс нельзя, нужно действовать самим.

Чжао Минчуань проводил Чжу Яньиня взглядом, пока тот не улегся в постель, и, убедившись, что все в порядке, вернулся в соседнюю комнату. Смахнув со лба испарину, он спросил:

— Что вообще происходит?

Ученик доложил:

— В городе повсюду шепчутся, будто Сяо Инь и Владыка дворца Ли — близкие друзья.

Чжао Минчуань покачал головой:

— Чушь собачья.

Ученик понизил голос:

— Не скажите. Говорят, представители некоторых влиятельных сект уже тайно расспрашивали людей из Дворца Ваньжэнь. Неизвестно, о чем именно они говорили, но сразу после этого они поспешили в наш постоянный двор с охапками подарков для Сяо Иня.

Чжао Минчуань опешил. Что за дела...

Свет за окном мало-помалу угасал, и шумная суета уходящего дня постепенно стихла.

Чжу Яньинь наконец медленно пришел в себя.

Чжу Сяосуй ушел во двор варить лекарство, так что у постели дежурил один Чжао Минчуань. Он помог больному приподняться и подал чашку теплого чая.

Голова Чжу Яньиня гудела, а низ живота, куда угодило скрытое оружие, все еще мучительно ныл. Он никак не мог вообразить, где находится, и лишь туманным взором смотрел на сидящего перед ним друга:

— Брат Минчуань, почему у тебя такое лицо?

— Буду говорить напрямую, — Чжао Минчуань крепко сжал его ладонь. — Братец, неужели ты и впрямь водишь дружбу с Владыкой дворца Ли из Дворца Ваньжэнь?

Чжу Яньинь в полном замешательстве переспросил:

— У меня дружба с Владыкой дворца Ваньжэнь?

Чжао Минчуань процедил сквозь зубы:

— Об этом гудит весь цзянху! Кажется, даже во Дворце Ваньжэнь этого не отрицают. Да и Божественный целитель Цзян обходится с тобой с величайшим почтением... Мне вообще стоило об этом спрашивать?

Чжу Яньинь ошалел от его заговорщического тона. С трудом сглотнув, он нервно выдавил:

— Сложно сказать. У меня амнезия.

Чжао Минчуань хлопнул по одеялу.

Значит, точно водят дружбу, гадать нечего!

Чжу Яньинь и сам не ожидал, что, проснувшись после обморока, внезапно окажется связанным с сильнейшим мастером цзянху. Чувства его были крайне запутанными: тут смешались и волнение, и трепет, и смутная тревога. Тем временем Чжао Минчуань принялся пересказывать ему гулявшие по городу слухи, мешая правду с вымыслом. Например, упомянул, что покои Ли Суя во Дворце Ваньжэнь зовутся Чертогом Яньхуэй. «Яньхуэй» — то есть «Возвращение ласточки»... Подумай над этим, хорошенько вдумайся.

Чжу Яньинь замялся:

— И это как-то связано со мной?

Чжао Минчуань уверенно кивнул:

— Все так говорят.

Иначе почему бы не назвать покои «Возвращением орла», «Возвращением коршуна» или хотя бы «Возвращением златокрылого пэна»? Почему именно ласточка? Ласточка — птичка изящная, хрупкая, крошечная, она никак не вяжется с суровым Дворцом Ваньжэнь. Но теперь, когда внезапно объявился утонченный и хрупкий второй молодой господин из Усадьбы Чжу в Цзяннани, все сразу встало на свои места! Весьма вероятно, что, пока Сяо Инь залечивал тяжелые раны в Цзяннани, Владыка дворца Ли на Северо-западе сходил по нему с ума от тоски. И вот глубокой ночью, набросив на плечи халат, он поднялся с постели и собственноручно вывел эти два иероглифа — «Яньхуэй». Стоит лишь представить глубину этих чувств, как на глаза наворачиваются слезы.

Чжу Яньинь подумал: «Погодите, не слишком ли притянута за уши?»

Вслух же он произнес:

— Название «Яньхуэй» таит в себе множество смыслов. К примеру, стихи: «Ласточки возвращаются в сады У, где метут ветер со снегом; грезы обрываются в Цяньтане под залитой лунным светом башней». Быть может, Владыка дворца Ли просто любит эту светлую грусть?

Но Чжао Минчуань в это не верил. Разве Владыка дворца Ли похож на любителя тоскливых стихов? Он любит лишь нагонять тоску на других.

Чжу Яньинь все еще сомневался:

— Но я действительно ничего не помню. К тому же, когда я жил в старом поместье в Цзяннани, все твердили, что я не имею никакого отношения к цзянху.

Чжао Минчуань молча уставился на него. В комнате царил полумрак, огонек свечи колыхался от сквозняка, отбрасывая дрожащие тени. Второму молодому господину Чжу такая атмосфера была хорошо знакома: в дешевых романах после подобных сцен обычно начиналась резня. Он тоже невольно разнервничался, а от волнения в голову полезла всякая чепуха. Вдруг родные действительно что-то скрывают от него? Вдруг у него с Ли Суем и впрямь что-то было? Иначе с чего бы по округе ходило столько подробных слухов?

А внизу, в общем зале постоянного двора, все еще сидело немало людей. Они ждали... честно говоря, сами не знали чего. Но раз уж здесь находился человек, которого ценили и Владыка дворца Ли, и Божественный целитель Цзян, то упускать возможность завязать знакомство было никак нельзя. Вдруг повезет? Кто знает, кому улыбнется удача. Поэтому, хотя хозяин заведения уже поднял плату за чай в десять раз, народ упорно продолжал сидеть на месте.

Второй молодой господин Чжу вышел на галерею второго этажа, заглянул вниз и обомлел:

— Они все ждут меня?

Среди толпы мелькнуло знакомое лицо. Перед этим человеком возвышалась целая гора коробок с дорогими снадобьями и подарками. Это был Тань Шуцю. Отец отправил его проводить больного. Из-за вчерашней заварушки на Фениксовой террасе по городу поползли слухи, будто он лично знаком с Чжу Яньинем, поэтому никто не лез к нему с расспросами и даже уступил самое удобное место.

Чжао Минчуань проследил за взглядом Чжу Яньиня:

— Это из Банды Цанлан.

— Я сталкивался с ним пару раз, — заметил Чжу Яньинь. — У Банды Цанлан большое влияние?

Чжао Минчуань ответил:

— Да никакого.

Их глава, Тань Дадао, прежде владел трактиром. Он отлично умеет разделять уток, но вот рубить людей — совсем не его конек. Нынешним положением в цзянху Банда Цанлан обязана преимущественно своему фирменному супу с утиной кровью и лапшой, а вовсе не выдающемуся боевому мастерству. Что касается Тань Шуцю, в мире боевых искусств он давно стал посмешищем. В юности он только и делал, что пытался набиться в друзья к ученикам крупных сект, но в девяти случаях из десяти над ним лишь потешались. Человек он высокомерный и заносчивый, но в то же время трусливый — обыкновенный избалованный богач без царя в голове.

Тань Шуцю мало интересовал Чжу Яньиня. Намного больше его занимал Ли Суй, поэтому он тихо спросил:

— А люди из Дворца Ваньжэнь тоже внизу?

Чжао Минчуань покачал головой:

— Нет. Люди из Дворца Ваньжэнь не любят показываться на публичных сборищах мастеров.

Обычно они назначают встречи глубокой ночью.

Из-за этих слов Чжу Яньинь не спал почти всю ночь. С одной стороны, он подозревал, что произошло недоразумение, ведь не мог же он взаправду быть бродячим воином из цзянху. С другой стороны — кто знает? А вдруг Ли Суй вот-вот запрыгнет в окно с кувшином крепкого вина и позовет его переехать во Дворец Ваньжэнь? Если согласиться сразу, не сочтут ли его слишком легкомысленным? Пожалуй, стоит сперва немного пококетничать для приличия. За окном выл ветер, неся тучи песка, и кто-то уныло наигрывал на глиняной окарине-сюнь — мелодия лилась обрывистая и печальная, тоскливая, словно сама судьба скитальца из цзянху.

Мечтающий о собственных приключениях Второй молодой господин Чжу лежал в постели, строя самые невероятные догадки и сгорая от нетерпения. Если переложить его мысли на лад пьесы «Западный флигель», получалось примерно следующее: в постоялом дворе под луной дверь приоткрыта навстречу ветру, на стене колыхнутся тени цветов — уж не статный ли богатырь спешит на свидание?

Однако до самого рассвета богатырь так и не явился. Зато собравшиеся внизу люди из цзянху и не думали расходиться.

Чжу Яньинь больше не мог бороться со сном. Его веки отяжелели, и при первых лучах солнца он, обиженно укутавшись в одеяло, наконец заснул.

Тем временем во Дворце Ваньжэнь Владыка дворца Ли едва успел выйти из Чертога Яньхуэй, как дорогу ему преградил Цзян Шэнлинь с пиалой в руках:

— Ешь.

Они были знакомы много лет, и Ли Суй давно привык к тому, что целитель то и дело потчует его какими-то новыми снадобьями. Он осушил пиалу единым духом, даже не взглянув на содержимое, и лишь затем недовольно поморщился:

— Сладкое?

Цзян Шэнлинь ответил:

— И должно быть сладким. Это ласточкины гнезда и унаби, томленные с эцзяо.

И добавил:

— Все ингредиенты вчера прислал Второй молодой господин Чжу. Я посмотрел — качество отменное, как раз поможет восстановить силы после недавнего утомления.

Ли Суй вспомнил те алые, перевязанные шелком шкатулки, до боли напоминавшие свадебные дары, и его желудок судорожно сжался.

Пристроив пустую пиалу, Цзян Шэнлинь продолжил:

— Сейчас представители всех орденов цзянху собрались в постоялом дворе «Фуманьмэнь» в надежде увидеться с Чжу Яньинем. Даже Альянс-мастер Вань отправил к нему посланника с приглашением обсудить совместный поход против Демонического культа.

Глава Альянса боевых искусств Вань Чжунюнь слыл человеком гибким и добродушным. Его боевое мастерство едва ли позволяло ему войти в двадчатку лучших мастеров, зато по части

дружеских связей ему не было равных, да и авторитет его был непререкаем. При его положении в цзянху он ни за что не стал бы первым высказывать внимание Чжу Яньиню. Но раз уж он лично отправил приглашение, его истинной целью, без сомнения, являлся Ли Суй.

Цзян Шэнлинь посоветовал:

— Раз Альянс боевых искусств проявляет такую искренность, почему бы тебе не воспользоваться случаем и не поплыть по течению?

В конце концов, все стремятся уничтожить Демонический культ, а действовать сообща куда надежнее, чем в одиночку. К тому же у Ли Суя до сих пор давала о себе знать старая рана. Если Читянь смог ранить его несколько лет назад, то кто поручится, что он не сделает этого снова? От подобных мыслей на душе у целителя всегда было беспокойно.

<http://bllate.org/book/18290/1754029>